

В. Л. ИНОЗЕМЦЕВ

ДВЕ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: МАРКСИЗМ И ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМ

В течение столетий лучшие мыслители человечества стремились, применяя доступные им методы и анализируя доступные факты, познать закономерности развития того общества, в котором им приходилось жить. Сегодня, осмысливая ту теоретическую, а нередко и политическую борьбу, которую вели между собой приверженцы различных мировоззрений и идеологических направлений, мы все более приходим к выводу о том, что теории истории невозможно оценивать с точки зрения концепций, созданных в последующие столетия; нельзя упрекать исследователей за недостаточное внимание к тем фактам и процессам, которые в их время не могли рассматриваться как основополагающие и всеобщие.

Концепции исторического прогресса, созданные с тех времен, когда первые историки стремились лишь описать деяния государей, а философы постигали природу и общество лишь в качестве формы проявления божественной души, и до сегодняшнего дня должны, на наш взгляд, оцениваться в первую очередь исходя из учета, с одной стороны, меры внутренней субординированности положенных в основу данной теории принципов, и, с другой стороны, – степени соответствия выстраиваемой на их основе картины реальным процессам, имевшим место в предшествующей истории. Эти два обстоятельства мы рассматриваем в качестве критериев адекватности того или иного исторического построения.

Одним из важнейших критериев методологической строгости теории, одним из важнейших показателей ее адекватности мы склонны считать преодоление представления об истории как о процессе, строго разделяемом определенным событием или рядом событий на две противостоящие друг другу эпохи. Стремление выделить подобные периоды было свойственно историкам, принадлежавшим к самым различным школам и направлениям, и оно было вполне объяснимо, так как современная любому автору историческая эпоха всегда кажется ему содержащей величайшую из переживавшихся человечеством революций. Такая переоценка происходит уже в силу того, что она выделяет тот единственный для человека миг истории, в котором ему предначертано существовать, а объективно пролегающая внутри каждого человека граница между прошлым и будущим, представляющая собой любое мгновение его собственного бытия,

заведомо более значима для него, чем самый знаменательный переворот, разделявший минувшие исторические события.

Преодоление этого подхода ознаменовывает факт выхода исторической теории за пределы задач самоутверждения ее автора и свидетельствует о ее зрелости и способности найти ответы на важнейшие вопросы, которые ставятся перед исследователем развертыванием исторического процесса. Первые примеры подобных попыток мы встречаем в европейской общественной мысли начиная с XIII в., однако решительный разрыв с прежними представлениями может быть отмечен только тогда, когда на смену отмеченным теориям приходит метод, делящий исторический процесс на три большие эпохи и дополняющийся дальнейшим членением каждой из них.

Подобный подход, изображающий исторический прогресс в виде проявления диалектической триады, является, на наш взгляд, наиболее совершенным. Главным преимуществом такой концепции является неизбежное в подобном случае выделение на каждой исторической стадии процессов и явлений относительно равного уровня абстракции, без чего немыслимо само триадичное противопоставление. Таким образом, вместо поверхностных или малозначительных исторических фактов исследователю удастся рассмотреть исторические изменения на сущностном уровне, оценить их природу и в значительной мере даже предсказать элементы будущего социального прогресса. Теории, которые основываются на подобных подходах, позволяющих охватить исторический процесс в качестве единого целого, мы считаем наиболее достойными названия адекватных. Важным характерным отличием нашего подхода является признание того, что число адекватных исторических теорий может быть практически неограниченным. Выбирая определенные критерии противопоставления социальных форм и следуя в своем анализе избранному уровню абстракции, автор может создать адекватную историческую теорию на основе принципов и закономерностей, не принимавшихся во внимание творцами других столь же масштабных теоретических схем. Тем самым он не опровергает своих предшественников и современников, добавляет к их анализу новое измерение, обогащая и развивая наши представления об истории человечества. Все адекватные теории представляются нам поэтому взаимодополняемыми.

С учетом отмеченных обстоятельств мы хотим рассмотреть две концепции, которые еще недавно казались многим не только несопоставимыми, но и идеологически непримиримыми: теорию общественного развития, созданную основоположниками марксизма, и концепцию постиндустриального общества. Мы постараемся показать, как схожи эти две адекватные теории в своих основных методологических постулатах и принципах, насколько они близки друг другу по своей гуманистической направленности и, наконец, насколько взаимодополняемыми являются они в анализе проблем будущего общественного устройства. Главной задачей такого исследования является обнаружение тех элементов общественного развития, тех проблем современного мира, осмысление которых может дать новый импульс взаимодействию марксистской теории, вовсе не являющейся ошибкой истории, каковой ее модно представлять в последние годы в России, с современными социологическими концепциями, создаваемыми западными исследователями.

1. Марксистская концепция

Теория исторического развития, созданная в середине XIX в. К. Марксом и Ф. Энгельсом, стала первой адекватной концепцией истории, вобравшей в себя многие достижения философской мысли своего времени и серьезно модернизированной теорию общественного прогресса.

1.1. Общий взгляд на историю

Одним из системообразующих принципов марксистской теории является материалистический подход к пониманию истории. Классической демонстрацией использования этого подхода служит фрагмент из Предисловия К. Маркса к “Критике политической экономии”: “в общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается политическая и юридическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, общественное бытие определяет их сознание”¹.

На основе сформулированного К. Марксом постулата первичности производства по отношению к другим сторонам социальной жизни основоположники марксизма всесторонне проанализировали ряд принципиально важных вопросов, относящихся к ранним этапам истории человечества. Это, во-первых, труд как продуктивная деятельность; во-вторых, разделение труда и формирование отношений собственности; в-третьих, обмен деятельностью и ее результатами и, наконец, в-четвертых, эксплуатация и неравенство.

Роль труда оценена К. Марксом и Ф. Энгельсом очень высоко; по их мнению, именно становление трудового процесса и сформировало основные человеческие качества. “Сначала труд, а затем и вместе с ним и членораздельная речь, – пишет Ф. Энгельс, – явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг”². Следует отметить, что основоположники марксизма рассматривали развитие трудовой деятельности и становление человека как идентичные процессы, так что вряд ли можно говорить об однозначной обусловленности возникновения человека (определяемого в марксистской традиции именно через способность к труду) развитием самого труда. Однако тезисы о развитии навыков орудийной деятельности и принятии ею сознательного характера стали важнейшими элементами теории становления человеческого индивидуума. Таким образом, противоречия, существующие в Марксовой трактовке возникновения труда и его роли в становлении социума, весьма значительны.

Второй блок проблем включает вопросы, связанные с формированием потребностей,

разделением труда и собственностью. Объясняя невозможность частного присвоения на этапе общины во многом таким же образом, как это делали А. Фергюсон и А. Смит, классики марксизма совершенно справедливо усматривали в прогрессе человеческих потребностей, вызывающем спецификацию деятельности и в конечном счете разделение труда, источник его формирования. Ставя разделение труда на столь же заметное место, которое эта проблема занимала в социальных теориях XVIII в., К. Маркс считал, что значение этого явления на первых этапах общественной эволюции связано с тем, что оно “подрывает коллективный характер производства и присвоения и... делает преобладающим правилом присвоение отдельными лицами”³, а это, в свою очередь, предполагает становление индивидуальных материальных интересов и оказывается важнейшей причиной деструкции общинного строя.

Данный процесс проявляется в формировании отношений обмена. К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали как обмен деятельностью, так и обмен продуктами этой деятельности, причем последний выполняет различные функции в зависимости оттого, кто выступает его субъектом. Первоначально, подчеркивают основоположники марксизма, обмен был обусловлен естественными факторами, в частности различиями среды существования отдельных групп людей⁴, и носил черты общения групп, а не отдельных индивидов. “Развитие продуктов в товары, – пишет К. Маркс, – возникает вследствие обмена между отдельными общинами, а не между членами одной и той же общины”⁵. В этих условиях товарная организация хозяйства как таковая отсутствует, хотя Ф. Энгельс отмечает, что “товарное производство и товарное обращение могут, однако, иметь место и тогда, когда подавляющая масса продуктов предназначается непосредственно для собственного потребления и не превращается в товары”⁶. Последним вопросом, который необходимо осветить в рамках анализа подхода К. Маркса и Ф. Энгельса к становлению общества, является возникновение неравенства и эксплуатации. По их мнению, оба эти процесса начинаются “с того дня, когда труд семьи стал создавать больше продуктов, чем необходимо было для ее поддержания. Избыток продукта над издержками поддержания труда и образование и накопление из этого избытка общественного производственного и резервного фонда – все это было и остается основой всякого общественного, политического и умственного процесса”⁷.

Именно прогресс разделения труда привел в конечном счете к формированию нового типа отношений внутри общины, отношений зависимости всех ее членов от отдельных работников, овладевших специфическими видами деятельности. На этой основе сформировались различные уровни потребления, в результате чего стала закрепляться практика перераспределения части продукта в пользу высших слоев общины, отсюда и выросли элементы социального неравенства.

Процесс становления классового общества протекал различными путями, каждый из которых приводил, однако, к образованию государства – силы, удерживавшей в повиновении низшие классы. Выбор пути зависел от природных, экономических и социокультурных особенностей того или иного народа. Ф. Энгельс показал, что существовали два основных варианта формирования классовой структуры, названные им азиатским и античным.

Сравнение азиатского и античного типов организации производства показывает, что последний обеспечивал гораздо большие возможности для совершенствования как производительных сил, так и производственных отношений. Доминирование государства над общественной жизнью в восточных деспотиях (азиатский способ производства) в значительной мере искусственным образом стимулировало хозяйственный прогресс, в то время как на Западе (античный способ производства) совершенствование хозяйства было условием выживания не только той или иной производственной формы, но и конкретного индивида.

Становление европейского феодализма основоположники марксизма связывали с обезземеливанием крестьян в варварских государствах и переделом земли между представителями господствующих классов. Процесс этот во многом ускорился дарениями государей в пользу военачальников, сановников и князей церкви, системой, быстро доказавшей свою неэффективность. К IX–X вв. сформировались основы феодальной раздробленности.

Хозяйственный строй европейского феодализма характеризуется прежде всего преодолением тех форм крупного производства, которые доминировали в античное время, мелкое производство в сельском хозяйстве и ремесле сделало средневековое общество в хозяйственном отношении более однородным, нежели античное. Это дало прогрессирующим товарным отношениям возможность распространиться на все общественное целое. Как два важных следствия возникли, с одной стороны, прецеденты наемного труда, с другой – элементы активной торговли не только предметами ремесла, но и продукцией сельского хозяйства.

Появление крупных состояний, возникших в первую очередь вследствие развития торговли и начала финансовых спекуляций, предопределило возможность концентрации средств производства в руках представителей нового класса. Как отмечал Ф. Энгельс, “первые капиталисты застали форму наемного труда уже существующей... Наемный труд, существовавший раньше в виде исключения и подсобного промысла, стал правилом и основной формой всего производства, из побочного занятия, каким он был прежде, он превратился теперь в единственную деятельность работника”⁸.

Однако такое превращение вряд ли стало бы возможным, если бы средневековье не создало, пусть и в ограниченных размерах, не только наемный труд, но и рынок сбыта для продуктов этого труда – как внутренний, так и внешний.

Используя преимущества кооперации и машинного производства, повышающие производительность труда, новый экономический уклад составил уничтожающую конкуренцию мелкому товарному производству позднего феодализма. Ремесленники быстро разорялись и пополняли слой наемных рабочих. Дополнительным источником рабочей силы становилась деревня, также переживавшая не лучшие времена. Рост объемов производства потребовал создания новых рынков, причем не только национальных, но и зарубежных. Внутри ведущих европейских стран даже сельское население, по природе своей склонное к натуральному способу ведения хозяйства,

получало все большую ориентацию на рынок. Капиталистическая форма производства активно прокладывала себе дорогу.

Таким образом, к середине XIX столетия, периоду, на который пришлось творчество основоположников марксизма, развитие как европейских, так и азиатских наций давало значительный материал для исторических обобщений и исторической периодизации. Стала очевидной последовательная сменяемость хозяйственных систем, столь же несомненной представлялась и обусловленность политического развития эволюцией экономического базиса. Все предшествующие исторические формы, за исключением только периода родовой общины, обнаруживали доминирующую роль хозяйственной жизни, что позволяло рассматривать их в качестве однопорядковых исторических состояний.

1.2. Марксова периодизация истории

Теория периодизации общественного развития, созданная К. Марксом, не изложена им специально в определенной работе или даже цикле работ. Замечания, ценные для понимания предмета, разбросаны во многих произведениях. Особое значение для осмысления этого блока Марксовой теории имеет терминологический аспект; именно пренебрежение к нему со стороны советских марксистов способствовало упрощению теории и утрате ею своего прогностического значения.

Основным для К. Маркса является термин “Gesellschaftsformation”, впервые использованный им в 1851 г. в работе “Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта”. Однако он предпочитал при его использовании не давать четкого определения ни самому термину, ни историческим состояниям, которые им обозначались. Складывается впечатление, что термин “Gesellschaftsformation” употреблялся для обозначения весьма глобальных исторических эпох и фактически не мог быть применен для непосредственного анализа экономических процессов.

Самое убедительное подтверждение такого предположения содержится в произведении, которое, на наш взгляд, дало для понимания теории общественных формаций более других, – в набросках ответа К. Маркса на письмо В. Засулич, относящихся к 1881 г. К. Маркс указывает на то, что “земледельческая община повсюду представляет собой новейший тип архаической общественной формации, и поэтому же в историческом движении Западной Европы, древней и современной, период земледельческой общины является переходным периодом от общей собственности к частной, от первичной формации к формации вторичной”⁹.

Прокомментируем приведенные положения. Достаточно очевидно, что под “архаической общественной формацией” К. Маркс понимает общество, в котором отсутствуют отношения эксплуатации. Под определение подобного рода подпадает и община, в том числе и в том ее виде, в каком она существовала в азиатских обществах. Однако, так как и азиатское общество, и земледельческая община являлись не только последними фазами первичной общественной формации, но и первыми элементами формации вторичной, можно утверждать, что началом переходного периода от

первичной формации ко вторичной явилась эксплуатация, но не человека человеком, а касты кастой, полностью же этот переход был закончен тогда, когда кристаллизовалась эксплуатация человека человеком, то есть тогда, когда община была разрушена, распространилось производство, ориентированное на обмен, возникло обращение товаров, появились закон стоимости и другие экономические закономерности. Таким образом, имеются все основания считать период, сменивший эпоху господства личных форм зависимости, формацией экономической (oekonomische Gesellschaftsformation).

Самое важное обстоятельство, вытекающее из анализа указанных формулировок, заключается в том, что К. Маркс рассматривает первичную формацию именно как общественную, но не как экономическую. Так как до определенного времени собственно экономические отношения не играли заметной роли, она может быть охарактеризована именно как общественная, с господством примитивно-коммунистических отношений родового строя. Однако коль скоро примитивная формация не может быть названа экономической в силу указанных обстоятельств, то необходимо также признать, что и коммунистическое общество как третичная формация (formation tertiaire) экономическим названо быть не может. Сам К. Маркс никогда не применял по отношению к коммунизму понятие "oekonomische Gesellschaftsformation". Впервые он был применен К. Марксом в Предисловии к "Критике политической экономии" в 1858 г. в произведении, которое наряду с набросками ответа на письмо В. Засулич представляется крайне важным для понимания Марксовой теории. Именно в Предисловии утверждается, что в истории цивилизации может быть выделена эпоха (называемая "oekonomische Gesellschaftsformation"), объединяющая ряд способов производства на основании общих им всем характеристик.

Понятие "oekonomische Gesellschaftsformation" свидетельствует о том, что главной чертой, свойственной всем включенным в нее периодам, К. Маркс считал экономический характер жизнедеятельности общества, то есть такой способ взаимодействия между членами социума, который определяется не религиозными, нравственными или политическими, а в первую очередь хозяйственными, экономическими факторами. Данный термин используется только применительно к периоду, характеризующемуся господством в общественной жизни отношений, базирующихся на частной собственности, индивидуальном обмене и возникающей как следствие этого эксплуатации.

Внимательный анализ Марксовых текстов позволяет достаточно глубоко понять механизм соотношения понятий "oekonomische Gesellschaftsformation" и "Produktionsweise", каковым он виделся автору. Анализируя производительный капитал и обозначая его термином "капиталистическое отношение", он писал: "Впрочем, капиталистическое отношение развивается на такой ступени развития экономической общественной формации, которая сама уже есть результат целого ряда предшествующих этапов развития"¹⁰.

Приведем еще одну важную формулировку, проливающую свет на содержание понятия "oekonomische Gesellschaftsformation": "...С точки зрения более высокой экономической общественной формации, частная собственность на землю будет представляться такой

же нелепой, как частная собственность одного человека на другого человека”¹¹. Подходя к рассмотрению этого принципиального высказывания К. Маркса, мы считали очевидными два обстоятельства. С одной стороны, согласно классикам марксизма, коммунистическая общественная система не относится к *oekonomische Gesellschaftsformation*. С другой стороны, в рамках капиталистического способа производства, о котором в отрывке и идет речь, частная собственность на землю преодолена быть не может. Таким образом, оказывается, что капиталистический способ производства не является последней фазой *oekonomische Gesellschaftsformation*.

Подтверждение такого понимания может быть найдено в прославленном отрывке из третьего тома “Капитала”, где К. Маркс пишет: “...Действительное богатство общества и возможность постоянного расширения его воспроизводства зависит не от продолжительности прибавочного труда, а от его производительности и от большей или меньшей обеспеченности тех условий производства, при которых он совершается. Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства. Как первобытный человек, для того чтобы удовлетворить свои потребности, чтобы сохранить и воспроизвести свою жизнь, должен был бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости как на своем базисе”¹².

Совершенно очевидно, что, говоря о столь развитом общественном производстве, так или иначе ориентированном на удовлетворение потребностей человека, где обмен не господствует над людьми как слепая сила, где существует организованный планомерный обмен веществ между человеком и природой, где производство осуществляется в условиях, адекватных человеческой природе, К. Маркс не имел и не мог иметь в виду капиталистический способ производства. Напротив, в этом отрывке изображено то, что последователи марксистского учения назвали позднее социалистическим типом общества, и то в наиболее развитой стадии. При этом К. Маркс указывает, что подобное состояние еще не является царством свободы, оказываясь всего лишь высшей и последней ступенью царства необходимости. Таким образом, данное состояние, не являясь коммунистическим обществом, представляется заключительной фазой экономической эпохи, ее нисходящим этапом, в течение которого разрешаются и преодолеваются противоречия, возникшие в ходе ее становления. Собственность уже не является частной, так же как это было при азиатском способе производства, нет

прямой эксплуатации человека человеком, преодолена подтачивавшая капиталистический строй анархия производства. Именно к такому обществу, к замыкающей стадии экономической эпохи и относится высказывание К. Маркса об общей собственности на землю как основном условии производственного процесса.

Анализ Марксовой теории периодизации общественного прогресса настоятельно требует рассмотрения иной стороны концепции, а именно вопроса о переходах от одной формации к другой. Мы отмечали выше, что исторические периоды, расположенные внутри *oekonomische Gesellschaftsformation* К. Маркс называл способами производства. Он упоминал азиатский, античный, феодальный и буржуазный способы производства, но не именовал их *Gesellschaftsformationen*. Если принимать вслед за классиками марксизма деление общественного развития на три *Gesellschaftsformationen*, отмечая в центральной из них способы производства, то приходится признать, что переход от одного способа производства к другому внутри *oekonomische Gesellschaftsformation* не является однопорядковым по отношению к смене самих *Gesellschaftsformationen*. Должно быть найдено существенное различие, подчеркнутое как по смыслу, так и терминологически, между этими двумя видами исторических изменений, между революционными переходами от одного способа производства к другому внутри *oekonomische Gesellschaftsformation* и переворотами, знаменующими ее исторические пределы.

1.3. Учение о революциях

Концепция революций как форм перехода от одного состояния общества к другому стала показателем высокой степени совершенства созданной основоположниками марксизма системы периодизации истории. Первое упоминание о двух типах революций – революции социальной и революции политической – содержится в статьях К. Маркса, опубликованных в “Немецко-французском ежегоднике”. Так, относительно буржуазной революции и ее исторической роли он отмечает: “Старое гражданское общество непосредственно имело политический характер, то есть элементы гражданской жизни, – например, собственность, семья, способ труда, – были возведены на высоту элементов государственной жизни... Политическая революция, ниспровергнувшая эту деспотическую власть и поднявшая государственные дела на высоту дел народа, конституировавшая политическое государство как всеобщее дело, то есть как действительное государство, неизбежно должна была разбить все сословия, корпорации, цехи, привилегии, которые представляли собой столь же разнообразные проявления отрыва народа от его политической общности. Политическая революция уничтожает тем самым политический характер гражданского общества”¹³.

Но и эти цитаты не дают еще окончательного представления о взглядах Ф. Энгельса. Наряду с тем, что он говорил о социальной революции, в результате которой будет осуществлено раскрепощение пролетариата, он высказался и по поводу отличий этой социальной революции от революции политической: “Социальная революция есть нечто совершенно иное, чем происходившие до сих пор политические революции: в отличие от них она направлена не против собственности монополии, а против монополии собственности; социальная революция – это открытая война бедных против богатых. И

такая борьба, в которой явно и открыто выступают наружу все причины и пружины, действовавшие ранее во всех исторических конфликтах неявно и скрыто, такая борьба грозит, во всяком случае, быть более острой и кровопролитной, чем все ей предшествовавшие”¹⁴. Концепция К. Маркса и Ф. Энгельса, согласно которой политическая революция возникает на основе противоречия между базисом общества (комплексом производительных сил и производственных отношений) и политической надстройкой, вполне подтверждается исторической практикой. Если рассмотреть ситуацию, сложившуюся во Франции накануне революции 1789 г., то окажется, что производственные отношения, в значительной мере капиталистические, вполне соответствовали переросшим феодальным порядкам производительным силам. Поэтому, на наш взгляд, обнаружить в данном случае иное существенное противоречие, кроме как противоречие между экономическими реалиями и политической надстройкой, невозможно. К. Маркс полагал, что в рамках *oekonomische Gesellschaftsformation*, за исключением периода, непосредственно предшествующего коммунистической революции, происходит эволюционное изменение как производительных сил, так и производственных отношений, не допускающее возникновения между ними антагонистических противоречий.

Итак, “политическая” и “социальная” революции – совершенно разные термины, применявшиеся основоположниками марксизма для обозначения различных типов исторических изменений. Понятие социальной революции, являвшееся центральным в революционном учении классиков марксизма, находилось в фокусе внимания на всем протяжении их творчества, что обуславливалось необходимостью обоснования коммунистических перспектив развития цивилизации.

Противоречие между производительными силами и производственными отношениями как фактор социальной революции возникает, по мнению родоначальников марксизма, на грани XVIII и XIX вв., когда еще существовало относительное соответствие производительных сил и производственных отношений развивающегося по восходящей капитализма. Это положение подчеркивается К. Марксом на протяжении всего его творчества, достигая совершенства в прославленном отрывке из третьего тома “Капитала”, где мы читаем: “Настоящий предел капиталистического производства – это сам капитал, – а это значит: капитал и самовозрастание его стоимости являются исходным и конечным пунктом, мотивом и целью производства; производство есть только производство для капитала, а не наоборот: средства производства не являются просто средствами для постоянно расширяющегося процесса жизни общества производителей... Средство – безграничное развитие общественных производительных сил – вступает в постоянное противоречие с ограниченной целью – увеличением стоимости существующего капитала. Поэтому, если капиталистический способ производства есть историческое средство для развития материальной производительной силы... то он в то же время является постоянным противоречием между такой его исторической задачей и свойственными ему общественными отношениями производства”¹⁵. С течением времени производительные силы достигают такой ступени, на которой при существующих производственных отношениях они приносят обществу одни лишь бедствия, оказываясь не производительными, а разрушительными силами.

Противоречие между производительными силами и производственными отношениями является неизбежным спутником человеческой истории, однако в рамках *oekonomische Gesellschaftsformation* до становления *buergerliche Produktionsweise* оно не носило антагонистического характера, способного привести к революционным изменениям всего социального строя. Играя огромную роль в течение всей предшествующей истории человечества, это противоречие сообщало историческому прогрессу преимущественно эволюционный характер. Как отмечали по этому поводу К. Маркс и Ф. Энгельс, “противоречие между производительными силами и формой общения [производственными отношениями] уже неоднократно имело место в предшествующей истории, не угрожая, однако, ее основам”¹⁶.

К. Маркс и Ф. Энгельс оставили множество высказываний, из которых следует, что под социальной революцией понимается именно революция коммунистического типа. В них понятие “социальная революция” употребляется таким образом, что спутать его применение с каким-либо другим термином или предполагать, что оно может означать революцию, опосредующую смену *Produktionsweisen* внутри *oekonomische Gesellschaftsformation*, не говоря уже о других революционных изменениях, не представляется возможным.

Однако подобная трактовка предполагает необходимость ответа на два важных вопроса, касающихся проблем Марксовой системы периодизации общественного прогресса, которые будут рассмотрены ниже. Первым из них является вопрос о соотношении социальной революции и границ *oekonomische Gesellschaftsformation* как исторического периода. Коль скоро принимается, что переход от *oekonomische Gesellschaftsformation* к коммунистической *Gesellschaftsformation* осуществляется посредством социальной революции, логичным оказывается также и предположение о существовании другой социальной революции, а именно той, которая опосредовала становление *oekonomische Gesellschaftsformation* и являлась средством перехода от первичной *Gesellschaftsformation* ко вторичной.

Второй вопрос касается последовательности изменений, приносимых социальной революцией, а также самого ее протекания. Марксова концепция революций полностью подчинена основному элементу социальной теории марксизма – учению о смене *Gesellschaftsformationen* и *Produktionsweisen*. В соответствии с делением общественной эволюции на три *Gesellschaftsformationen* К. Маркс и Ф. Энгельс отмечают два глобальных изменения в истории человечества и квалифицируют их в качестве социальных революций. Реалистичский подход к исследованию истории выражается в данном случае в признании продолжительности периода смены *Gesellschaftsformationen*, что подчеркивается применением термина “эпоха социальной революции”. Период социальной революции, согласно Марксовой концепции, продолжается с начала изменения базисных производственных отношений до того периода, как все производственные отношения и весь тип регулирования производства, свойственные предшествующей *Gesellschaftsformation*, не будут преодолены, а новая *Gesellschaftsformation* приобретет форму, являющуюся в полной мере саморегулирующейся.

Такой подход может быть проиллюстрирован с помощью уже цитировавшегося отрывка из набросков ответа на письмо В. Засулич. К. Маркс указывал на то, что община вполне преодолевается только капиталистическим способом производства. Можно предположить, что социальная революция, приводящая к становлению *oekonomische Gesellschaftsformation*, полностью исчерпывает себя только тогда, когда эта *Gesellschaftsformation* достигает вполне зрелых своих форм; в ходе же соответствующих преобразований происходит изменение всей общественной структуры. То же самое справедливо и относительно коммунистической революции. Как и эпоха социальной революции, похоронившая архаическую *Gesellschaftsformation*, коммунистическая революция начинается тогда, когда наличие частной собственности (так же как при архаической *Gesellschaftsformation* ее отсутствие) становится непреодолимой преградой для хозяйственного и социального прогресса. В этом случае противоречие между производительными силами и производственными отношениями теряет свой "позитивный" характер источника эволюционного движения и становится основанием социальных коллизий, из которых вырастает новое общество. Начинаясь с восстания пролетариата против своих угнетателей, эта революция представляет собой гигантскую эпоху замещения отношений *oekonomische Gesellschaftsformation* отношениями по своей сути неэкономическими.

В отличие от социальных революций существуют и революции, которые основоположники марксизма назвали политическими. Эти революционные изменения являются более поверхностными, чем социальные революции, и прослеживаются внутри *oekonomische Gesellschaftsformation*, оказываясь средством перехода от одного способа производства к другому. Политические революции, порожденные противоречием между развивающимися экономическими отношениями и политической структурой общества, решают задачу освобождения общества от отживших организационных форм. Таким образом, мы видим высокую степень соответствия теории революций концепции периодизации, согласованность основных положений обеих теорий и их взаимодополняемость.

1.4. Противоречия Марксовой теории и ее упадок

Марксова теоретическая концепция несла в себе непреодолимое внутреннее противоречие между теорией как таковой и теорией как средством преобразования действительности. В начале XX в., когда марксизм стал одним из наиболее влиятельных политических течений, а место К. Маркса и Ф. Энгельса заняли их преемники – европейские социал-демократы, теоретические проблемы вновь вышли на первый план, и оказалось, что большинство революционеров, называвших себя марксистами, не сумели глубоко усвоить эволюционную сущность предложенной учителями социальной доктрины и в основном акцентировали внимание на ее революционной форме.

Наиболее односторонне к пониманию теории марксизма подошли там, где революционное движение было менее всего подготовлено к ее восприятию – в России. В. Ленин, творец российской революции 1917 г., был первым, кто попытался придать марксизму сугубо российскую специфику, начав со значительного упрощения основных

принципов марксистского учения, не преодоленного в СССР вплоть до крушения коммунистического режима.

Главным принципом, который В. Ленин заимствовал из Марксовой теории, стал принцип стадийности развития общества. Именно он и давал основу теории революционных изменений, поэтому внимание, уделявшееся российскими марксистами данному вопросу, вполне объяснимо. Увлеченный делением истории на легко анализируемые по отдельности периоды, В. Ленин допустил ряд грубых ошибок в переводе важнейших положений К. Маркса и Ф. Энгельса на русский язык, в результате чего возникло иррациональное понятие “общественно-экономическая формация”, которое впоследствии стало основным термином, применявшимся советскими обществоведами. Его использование вычеркнуло из марксизма более чем на 70 лет одну из основных идей К. Маркса – идею о двух кругах развития общества: первом – последовательной смене трех *Gesellschaftsformationen* и втором – смене способов производства внутри *oekonomische Gesellschaftsformation*. Уравняв доклассовое общество с античным и феодальным, капиталистические порядки с обществом будущего, термин “общественно-экономическая формация” стал основой едва ли не всех социологических предрассудков советского периода.

При этом, подчеркивая роль классовой борьбы в развитии общества и роль пролетариата в современный ему период, В. Ленин создал собственное учение о революциях, в котором трансформировал понятие политической революции в термин, обозначающий исключительно полувоенный переворот, в ходе которого пролетариат берет власть в свои руки, и представил его как одну из сторон социальной революции. Согласно этой теории, “социальной” является не только коммунистическая революция, но и, например, революция буржуазная, имеющая социальную и политическую стороны. В итоге устраняется принципиальное различие между социальной и политической революциями, на котором строилась Марксова революционная теория.

Унификация всех революционных изменений, начатая В. Лениным, была завершена И. Сталиным, выдвинувшим тезис, что любая революция представляет собой столкновение основных классов определенного общества – античного, феодального или капиталистического. Считая, что таковыми для античного общества являлись рабы и рабовладельцы, И. Сталин заявил, что “революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческий способ производства”¹⁷; аналогичные положения были высказаны и относительно краха феодального и капиталистического строя. И. Сталин говорил о том, что все прошлые революционные изменения отличались от социалистической революции тем, что “все они были односторонними революциями. Сменялась одна форма эксплуатации трудящихся другой формой, но сама эксплуатация оставалась. Сменялись одни эксплуататоры и угнетатели другими, но сами эксплуататоры и угнетатели оставались. Только Октябрьская революция, – заключал вождь, – поставила целью уничтожить всякую эксплуатацию и ликвидировать всех и всяких эксплуататоров и угнетателей”¹⁸.

Таковы основные положения, выдвинутые И. Сталиным в области социальной философии. Последняя из значительных его работ – “Экономические проблемы

социализма в СССР” – вышла в свет в 1952 г. и была посвящена проблемам в большей мере экономическим, нежели философским. В течение нескольких десятков лет общественная мысль Советского Союза была ограничена рамками сталинских теоретических построений, представлявших собой наиболее примитивное и схематическое изложение основ марксизма в его ленинской интерпретации. Начиная с 60-х гг. в СССР появились первые признаки возрождения подлинно марксистской традиции, однако это движение не получило значительного распространения. Результатом стала полная несовместимость советских теоретических схем и реальных путей развития цивилизации, что наряду с крайне низкой эффективностью социалистического типа производства вызвало крах коммунистических режимов в конце 80-х – начале 90-х гг. Таким образом, марксистская теория в России и Советском Союзе проделала одновременно трагический и фарсовый путь, поднявшись от одной из воспринимавшихся либеральной интеллигенцией и представителями социалдемократического движения социальных теорий до идеологии, господствовавшей на огромных пространствах и на протяжении 70 лет определявшей глобальные мировые процессы. В то же время теория полностью утратила свои научные черты, как это случается с любым учением, ставшим идеологией.

Между тем, несмотря на огромные перемены, которые произошли в течение XX в., потенциал собственно марксистской теории не исчерпан. Предложенная К. Марксом и Ф. Энгельсом методология выделения в истории цивилизации трех значительных периодов, их диалектический, по сути эволюционный подход к оценке социальных изменений и их причин остались в основном неостребованными, хотя и могли серьезно способствовать процессу осмысления новых общественных явлений.

2. Теория постиндустриального общества

Наряду с марксистской концепцией периодизации истории во второй половине XIX в. стала развиваться позитивистская концепция, с точки зрения ряда философов и социологов в большей мере отвечающая потребностям нового столетия, нежели изложенная в работах классиков позитивной науки. В относительно завершенном виде концепция периодизации, основанная на изучении принципов организации производства и обмена благ, увидела свет в работах представителей “новой исторической школы” в начале XX в.19.

В это же время Т. Веблен предпринял удачную попытку создания глобальной доктрины социально-экономического прогресса на основе анализа развития промышленной системы, дополненного изучением институциональной структуры общества. Последнее придало его концепции гораздо более прогностический характер по сравнению с работами предшественников; и сегодня многие сторонники постиндустриальной теории называют Т. Веблена своим духовным наставником. Его концепция, учитывавшая также многие другие факторы, в том числе организацию обмена, взаимодействие между социальными группами и классами, формирование индивидуальной мотивации, является, безусловно, одной из наиболее полных и многофакторных теорий общественного прогресса, созданных в первой половине нашего столетия.

Серьезные изменения производственных технологий и быстрый технический прогресс, ставшие основными чертами послевоенного периода, привели как к радикальному изменению западных обществ, так и к активизации исследований структуры общественного производства и ее развития. В течение 40-х гг. вышли работы американского экономиста К. Кларка “Экономика в 1960 году” и французского исследователя Ж. Фурастье “Великая надежда XX века”, в которых несколько по-разному были сформулированы важнейшие методологические принципы теории постиндустриального общества – подразделение всего общественного производства на первичный (добывающая промышленность), вторичный (обрабатывающая промышленность) и третичный (сфера услуг) секторы и положение о грядущем перераспределении рабочей силы и производимого национального продукта из первичного и вторичного секторов в третичный. Указывая, что в хозяйстве будущего до 90 рабочей силы сосредоточится в секторе производства услуг и информации, что человек сможет посвятить себя более совершенным занятиям, нежели непосредственному производству, что возникнут элементы господства технократии, государство начнет осуществлять действенный контроль за экономикой, а средства производства перестанут быть объектом классовой борьбы²⁰, Ж. Фурастье во многом предвосхитил классиков постиндустриализма 70-х гг.

Пятидесятые и шестидесятые годы завершили период становления рассматриваемой теории. Идея противопоставления индустриального общества всей предшествующей истории стала привычной настолько, что уже в конце 50-х гг. Р. Арон писал: “Я убежден, что... Европа состоит не из двух коренным образом отличных миров: советского или западного. Имеется единая реальность – индустриальная цивилизация²¹. В эти же годы Д. Рисман выносит термин “постиндустриальное общество” в заголовок своей известной статьи²², Д. Белл использует это понятие на лекциях в Зальцбурге. Некоторые элементы концепции содержатся также в работах У. Росту “Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест” и “Политика и стадии роста”, причем в последней, наряду с периодизацией истории народного хозяйства, отмечена и следующая за индустриальной цивилизацией новая стадия, характеризующаяся ориентированностью экономики на обеспечение возможностей развития человеческой личности²³.

В 1973 г. увидела свет фундаментальная книга Д. Белла “Приход постиндустриального общества”, вызвавшая взрыв интереса к соответствующей проблематике и обусловившая превалирование футурологических концепций в западной социологии 70-х гг. В течение этого и следующего десятилетий выходят многочисленные работы, посвященные осмыслению того исторического рубежа, перед которым оказалось человечество.

Рассматривая соответствующие работы 70–80-х гг. как составные части концепции “постиндустриального общества”, мы должны отвлечься от целого ряда отличий в представлениях тех или иных авторов и сосредоточиться, с одной стороны, на основных принципах оценки исторического процесса, содержащихся во всех рассматриваемых работах, и, с другой, – на открываемых ими возможностях исследования перспектив экономического и социального развития цивилизации.

Порожденная естественной эволюцией традиции позитивизма, традиции весьма глубокой и многогранной, теория постиндустриального общества не может быть однозначно отнесена ни к экономике, ни к социологии, ни к политологии. Относительно обособленное место, занимаемое ею в ряду прочих социальных доктрин, определяется, на наш взгляд, тем, что любая глобальная по своим методологическим принципам и масштабу охватываемых проблем теория не может не занимать особого места в ряду ограниченных своей прагматической заданностью прикладных концепций.

2.7 Общая картина исторического прогресса и его периодизация

Сторонники теории постиндустриального общества, так же как и последователи марксистского учения, основываются на материалистическом подходе к изучению общественных явлений. Главной проблемой их теории становится проблема производства и его организации. При этом особое внимание уделяется технологическим аспектам производства, распределения и обмена, в то время как их классовый характер, вопросы эксплуатации и политической власти остаются в стороне, что особенно заметно на примере изучения первых этапов развития человеческого общества.

Индустриальному обществу сторонники рассматриваемой теории противопоставляют аграрное в качестве предшественника и постиндустриальное в качестве наследника. В последнее время термин “аграрное общество” все чаще и чаще заменяется понятием “доиндустриальное общество” – “preindustrial society”. Это, на наш взгляд, вызвано модификацией терминологического аппарата современной западной историографии, классики которой относят начало становления индустриального общества в Европе к началу XIX в.²⁴ Таким образом, возникающая триада “доиндустриальное общество – индустриальное общество – постиндустриальное общество” приобретает вполне заверченный с методологической и терминологической точек зрения характер.

Основным признаком доиндустриальной стадии развития общества считается такая организация производства, при которой почти вся рабочая сила занята в непосредственном производстве предметов потребления, в основном продовольствия, механизмы обмена неразвиты, фактически отсутствует урбанизация, а политическая элита осуществляет управление обществом без серьезного экономического основания своей власти²⁵.

Необходимо отметить, что стадия доиндустриального хозяйства не противопоставляется постиндустриалистами всем остальным стадиям общественной эволюции в качестве чего-то такого, что должно быть разрушено и отринуто наступающей индустриальной цивилизацией. Как подчеркивает Д. Белл, аграрное хозяйство отличается от индустриального тем, что в качестве основного ресурса оно использует сырье, а не энергию, предполагает извлечение продуктов из природных материалов, а не их производство, и вынуждено наиболее интенсивно использовать труд, а не капитал²⁶.

Сторонники постиндустриальной теории многократно отмечают методологическую сложность жесткого выделения отдельных типов общества и, тем более, определения

хронологической границы их смены. Ни то, ни другое не рассматривается ими в качестве потенциального недостатка создаваемой теоретической системы, так как она обращена в первую очередь на изучение и утверждение эволюционного, а не революционного начала в истории человечества. Так, Р. Арон, указывая, что индустриальный строй, приходящий на смену традиционному обществу, представляет собой “такой тип социума, который открывает новую эру в историческом развитии”, отмечает при этом, что “легко дать абстрактное определение каждого типа общества, но трудно обнаружить его конкретные пределы и выяснить, является ли то или иное общество архаическим или индустриальным”²⁷.

Подобные представления о доиндустриальном и индустриальном обществах предполагают, что и общество постиндустриальное вряд ли может получить в рамках данной доктрины четкое определение, основанное на одном или хотя бы небольшом числе базовых черт. В развернутом определении постиндустриального общества, данном Д. Беллом, отсутствует четкое обозначение его фундаментального признака. Автор пишет: “Постиндустриальное общество определяется как общество, в котором экономика движется от обеспечения преимущественно производства благ к развитию главным образом сферы услуг, науки, образования, досуга и развлечений; в котором профессионально-технический класс становится главным; и что наиболее важно, в котором социальные инновации, отражающие изменение отношений между наукой и технологиями, между экономикой и политикой во все возрастающей степени зависят от прогресса теоретического знания... Постиндустриальное общество... предполагает возникновение нового класса людей, которые на политическом уровне служат советниками, экспертами или технократами”²⁸. Естественно, что определить хронологические рамки подобного социума оказывается достаточно сложно, да это, как правило, и не входит в задачу исследователей постиндустриализма. Обычно утверждается, что постиндустриальные тенденции стали нарастать после Второй мировой войны, хотя зачастую это происходило в формах, дававших, казалось бы, возможность говорить об экспансии индустриализма²⁹; в случае применения в качестве критерия состояния третичного сектора, своеобразной критической точкой считается середина 50-х гг., когда в США количество работников сферы услуг превысило количество занятых в материальном производстве³⁰. Однако реальные изменения, которые заставили подавляющее большинство западных футурологов говорить о современных развитых обществах как о постиндустриальных, относятся к середине и концу 70-х гг.

Когда сторонники постиндустриальной теории стремятся подчеркнуть радикализацию технических нововведений, чаще всего в качестве примера рассматривается развитие информационных технологий. Анализируя период 40-70-х гг., они отмечают, что смена поколений компьютерной техники и переход от одного технологического решения к другому, более совершенному, происходит со все возрастающей быстротой: скорость развертывания информационной революции не только от 3 до 6 раз выше темпов развития революции в двигательной энергии, но и имеет тенденцию к постоянному ускорению³¹. Другим признаком ускорения технического прогресса выступает быстрое сокращение промежутка времени между изобретением определенного процесса и началом его использования в массовом производстве: если человечеству потребовалось

112 лет для освоения фотографии и 56 – для применения концепции телефонной связи, то соответствующие сроки для радара, телевидения, транзистора и интегральной микросхемы составляют 15, 12, 5 и 3 года³².

Столь же отчетливо наступление постиндустриальной эпохи проявляется в кризисе традиционных экономических концепции, вызываемом ростом производства и потребления информации. Дело в том, что основным ресурсом, обуславливающим прогресс постиндустриального хозяйства, является знание (как теоретическое, так и прикладное). Его потребление, в отличие от потребления материальных благ, во-первых, не тождественно уничтожению блага и, во-вторых, может осуществляться одновременно фактически неограниченным числом действующих и хозяйствующих субъектов³³. В результате оказывается невозможным применение целого ряда фундаментальных принципов экономической теории – начиная с того, что теперь несоизмеримы затраты на производство благ, учитываемые в трудовой теории стоимости, и кончая устранением фактора редкости блага, на чем основаны многие постулаты современного макроэкономического анализа. В завершение краткого обзора картины социального прогресса, представленной в рамках постиндустриальной теории, отметим основные методологические принципы выделения трех этапов общественной эволюции. Сторонники данной теории разграничивают эти три периода революционными переходами, причем такая периодизация осуществляется на основании нескольких критериев, каждый из которых в достаточной степени логически и методологически строг и непротиворечив. Постиндустриальное общество противопоставляется доиндустриальному и индустриальному по следующим важнейшим критериям: основному производственному ресурсу, которым выступает информация, тогда как в доиндустриальном и индустриальном обществе таковым являлись соответственно сырье и энергия; характеру производственной деятельности, который квалифицируется как *processing* в противоположность *extraction* и *fabrication*; и технологии, называемой *knowledge-intensive*, в то время как первые две стадии характеризовались технологиями, которые были *labour-intensive* и *capital-intensive*.

2.2 Характеристика современного постиндустриального общества

Описывая современный социум, большинство сторонников теории постиндустриального общества обращают внимание, во-первых, на процессы, приведшие к его возникновению, во-вторых, на сдвиги в производственной сфере, в-третьих, на изменение характера человеческой деятельности, в-четвертых, на совершенствование базовых социальных отношений и, в-пятых, на образование новых политических и социальных элит. Естественно, эти элементы не исчерпывают всех проблем, рассматриваемых теоретиками постиндустриализма, но их освещение дает достаточное представление о том обществе, наступление которого эти исследователи считают основным событием конца XX в.

Становление постиндустриального общества рассматривается обычно в контексте формирования относительно гомогенного общества, свободного от классовых различий в их Марксовом понимании. Д. Белл при этом совершенно справедливо критикует К. Маркса за упрощенческий подход к классовой структуре общества, концентрировавшем

внимание на противоречиях между двумя основными классами того или иного общества, вне зависимости от того, какую роль каждый из них мог сыграть в дальнейшей эволюции соответствующего социального организма. Между тем европейская история предоставляет в распоряжение философов крайне любопытный факт – ни при переходе от античного общества к феодальному, ни при переходе от феодального к буржуазному, ни при современной трансформации ни один из основных полярных классов старого общества не оказался доминирующим в последующем. Как правящие и угнетенные классы античности “растворились” в среде нового европейского общества, как феодалы и крепостные уступили место предпринимателям и пролетариату, так и эти последние отодвинуты на обочину истории меритократией (данный термин, происходящий от слова “merit” и введенный Т. Янгом в фантастической повести “The Rise of Meritocracy” (L., 1958), все более активно используется в современной социологии) и работниками информационного сектора хозяйства, иногда называемыми “когнитариатом”³⁴.

Несмотря на значительные различия в подходах к оценке постиндустриального общества и его характерных черт, подавляющее большинство сторонников постиндустриализма отмечают, что наиболее фундаментальным внешним признаком нового общества является переориентация производства с создания материальных благ на предоставление услуг и выработку информации. К началу 80-х гг. в США, а несколькими годами позже в странах Западной Европы валовый продукт сферы human services превзошел валовый продукт сферы материального производства. Темпы его прироста в сфере услуг в первой половине 80-х гг. превышали аналогичные показатели в сфере .